

Русский рабочий в начале XX в.

История рабочих – одна из ключевых научных проблем для понимания и осмысления революционного процесса в России в силу той роли, которую было суждено сыграть российскому пролетариату в общественном движении. Сотрудники Института внесли огромный вклад в изучение российских рабочих, среди них Э.Э. Крузе, З.В. Степанов, И.А. Бакланова, У.А. Шустер, С.Н. Семанов, Т.М. Китанина, Л.Н. Семенова, С.И. Потолов, Л.И. Деревнина, Г.И. Ильина, А.П. Купайгородская, А.З. Ваксер, В.И. Кардашов, Ю.С. Токарев, А.Л. Фрайман, Г.Л. Соболев, В.И. Старцев. Их работы, несмотря на известные идеологические ограничения, благодаря своей фундаментальности не утратили своего научного значения и сегодня, как и получивший широкую признательность коллективный труд «История рабочих Ленинграда». Очень полезным для меня оказалось участие в последнем большом коллективном проекте советской эпохи – в подготовке «Хроники рабочего движения. 1895—февраль 1917 г.» под руководством С.И. Потолова, возглавлявшего Северо-Западную комиссию по подготовке «Хроники», которая, к сожалению, была доведена только до 1904 г.

В постперестроечные годы российская историография рабочих вернулась к тем проблемам, которые были поставлены еще в период оттепели и получили наиболее яркое воплощение в сборнике «Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония», прежде всего это проблемы сознания и социо-культурного облика рабочих. К чести советской науки и нашего института эти проблемы получили развитие и в те не очень благоприятные советские времена в трудах Э.Э. Крузе, Г.Л. Соболева, В.И. Старцева, Ю.С. Токарева и продолжены в 1990-2000-е гг. работами С.И. Потолова, В.Ю. Черняева Б.Н. Миронова и С.В. Ярова.

Хотя подготовка «Хроники рабочего движения в России» имела несколько иные цели, знакомство с огромным массивом документальных материалов о рабочих конца XIX – начала XX в. позволило мне обнаружить в поведении рабочих много таких черт, которые не вписывались в обычные марксистские схемы и свидетельствовали о преувеличении степени сознательности основной массы рабочих, о преобладании в их сознании очень архаичных черт, восходящих к менталитету крестьян. С одной стороны, среди рабочих были широко распространены базовые общинные ценности – коллективизм, неприятие эксплуатации человека человеком, безразличие к частной собственности и накоплению, групповой эгоизм, уравнительность, подозрительность к любому новшеству, а с другой, - практики общинной самоорганизации и морального воздействия на своих членов, воспроизводящиеся в виде ритуалов, позорящих наказаний и т.п., а также стереотипы поведения, организации повседневного быта и трудового процесса.

Материалы «Хроники» убедительно свидетельствуют о том, что трудовые конфликты фабрично-заводских рабочих на рубеже веков чаще всего порождались не осознанием своих пролетарских интересов, не только пропагандой революционных партий, а глубоким конфликтом традиционных представлений рабочих и теми условиями, которые они встречали на производстве. Наши подсчеты по материалам «Хроники» свидетельствуют о том, что протестная активность рабочих предприятий, расположенных в сельских районах, рабочими которых являлись преимущественно местные крестьяне, в конце XIX в. мало уступала, или не уступала активности таких крупных промышленных центров как Петербург и Москва. Вопреки марксистским представлениям активность текстильщиков до начала XX в. превышала активность металлистов. Среди поводов для выступления очень часто встречались нарушение норм и этики взаимоотношений, принятых в крестьянской среде. Многие, в том числе и современные исследователи, видят в требованиях вежливого обращения признак осознания рабочими своего собственного

достоинства. Это справедливо только отчасти. Для традиционного общества собственное достоинство – это право, приобретаемое от рождения.

Достаточно много примеров, когда причиной трудовых конфликтов, служили нововведения, которые ничем не ущемляли положение рабочих, но воспринимались ими с подозрительностью и отвергались как нарушение устоявшегося на предприятии порядка – изменения в распорядке дня, введение новых образцов расчетных книжек и т.п. Большую роль играло неприятие рабочими нового индустриального способа организации труда и отношений на производстве. История формирования российского рабочего класса – долгий и мучительный процесс приспособления к индустриальной форме организации производства, который завершился только в советский период. Свою роль играли и иной, по сравнению с крестьянским, монотонный ритм трудового процесса и интенсивность труда. Особую ярость вызывали у рабочих попытки увеличения привычной интенсивности труда, которую чаще других пытались навязать мастера и администрация из иностранцев. Если к этому добавлялись грубость и нарушение привычных норм поведения, выступления рабочих отличались особой жестокостью вплоть до погромов.

Наблюдения, которые я сделал, свидетельствуют: для того, чтобы понять мотивы поведения рабочих, их самоощущение в рамках индустриального трудового процесса, нужно оценивать их не с позиций заводской администрации или революционно настроенной интеллигенции, либо городского образованного обывателя, а брать в качестве точки отсчета представления крестьян. Это же справедливо и в отношении повседневной жизни рабочих. С точки зрения фабричного инспектора, земского деятеля санитарные условия проживания в рабочей казарме, в угловой квартире – ужасны. С точки зрения рабочего – ничуть не хуже, чем в крестьянской избе или землянке, которыми часто пользовались крестьянские артели. В фабричной казарме крестьянин впервые в своей жизни увидел электричество и ватерклозет.

Эти же оригинальные представления рабочих следует учитывать, когда рассматривается одна из основных проблем истории рабочих – проблема формирования пролетариата. Хочу подчеркнуть, что историография и сегодня недооценивает влияние крестьянского фактора на рабочих, как физическую близость рабочего к деревне, так и прочные духовные связи.

Одна из главных особенностей формирования российских рабочих состояла в том, что большая часть промышленности сосредотачивалась не в городах, а в сельской местности. Около 70% фабрично-заводских рабочих было занято в 1902 г. на крупных предприятиях (с 1 тысячей и более рабочих), расположенных вне городов¹. По понятным причинам проблема развития фабричных сел, расположенных, прежде всего, в губерниях Центральной России в самой гуще крестьянского населения, в советское время не могла быть исследована. Множество нитей связывало рабочих с селом, но это специальная тема, которую невозможно раскрыть в рамках короткого выступления.

При оценке степени законченности формирования рабочего класса важен не столько показатель отсутствия связи рабочего с землей и признак потомственности рабочего, сколько цели, которые ставил перед собой рабочий, его жизненные планы: связывал ли он свое будущее с городом, с фабрикой, или его взоры были устремлены в деревню. И в этом случае наиболее надежным показателем является семейное положение рабочего.

Статистика показывает, что большинство рабочих в начале XX в. смотрело на город, как на временное прибежище. По показателю проживающих одиноко или вне семьи рабочих рекорд бьют Москва (93,1%) и Петербург (86,4%). В уездах Московской губернии, в отличие от Москвы, положение более благополучное (49,5%), примерно такие же показатели и в других губерниях Центральной России. Меньше всего рабочих-одиночек насчитывалось в Польше (25-30,2%) и в Пермской губернии на Урале (32,9%).

¹ Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 208.

Статистика состоявших в браке рабочих свидетельствует о близости брачных обычаев к традиционной крестьянской модели, а количество рабочих-одиночек показывает, что потомственный пролетариат мог сложиться лишь в Западных губерниях, Польше и на Урале, где от 67 до 75% рабочих проживали в семьях. В самых крупных промышленных центрах страны – Москве и Петербурге положение выглядит просто катастрофично. В семьях там проживала ничтожная часть рабочего населения, что не позволяет говорить о каких-либо успехах в формировании потомственных кадров рабочих.

Отличительной чертой российского рабочего движения была необычайно высокая организованность, опиравшаяся на коллективистские традиции и общинные практики. Воспроизводились они в отличной от крестьянской общины среде, трансформировались и приспособлялись. Хочу подчеркнуть, что говорить о простом воспроизведении рабочими общины в условиях производства нет никаких оснований. При всем желании рабочих - выходцев из деревни - это было невозможно. Речь может идти только об использовании отдельных форм и стереотипов, причем имелся ряд отличий в зависимости от типа производства и регионов. Рабочее фабрично-заводское представительство было больше распространено на казенных заводах, и меньше на частных. На бывших казенных заводах, где использовался труд крепостных, после отмены крепостного права рабочие не только получили статус крестьян, но и крестьянское общинное самоуправление. Многие заводы Урала, расположенные в изолированных заводских поселках представляли собой нечто вроде предприятия-коммуны. Благодаря наличию внутренней самоорганизации стихийно возникающие протестные выступления с самого начала приобретали организованный характер и в ходе этих выступлений формировалась структура коллектива, появлялись вожаки и отрабатывались социальные роли, которые выполняли разные группы рабочих.

Обращаясь к вопросу о политических представлениях рабочих, необходимо отметить, что в конце XIX в. основная масса разделяла традиционные политические представления крестьян, была монархически настроена и религиозна. Лишь небольшая часть так называемых сознательных рабочих была вовлечена в народнические, а затем и в марксистские кружки. Но именно этой группе рабочих было суждено сыграть колоссальную роль в политизации и придании организованности рабочего движения, хотя в конце XIX в. их количество исчислялось только сотнями, в годы Первой русской революции – тысячами, и в 1917 г. – уже десятками тысяч. Нужно отметить, что, и в прошлом, и сегодня все еще проявляются как идеализация рабочих, ведущая свои корни от Г.В. Плеханова, так и недооценка роли рабочих и, особенно, рабочих-вожачков.

До Первой русской революции открытая революционная пропаганда в рабочих коллективах была невозможна, интеллигенция, за редким исключением, вообще не имела доступа на предприятия, плохо представляла реальные мотивы протестного поведения рабочих и часто навешивала марксистские ярлыки на явления, имевшие отношение к доиндустриальной эпохе. Интеллигенция и рабочие часто вкладывали разные смыслы в одно и то же понятие, причем интеллигенция присвоила себе право выступать от имени рабочих и объяснять их позицию, их требования, их поведение. То, что рабочие называли несправедливым с точки зрения традиционного общества, у марксистов называлось осознанием своих классовых интересов. Что действительно хотел сказать русский рабочий, понять очень сложно, но возможно.

Полагаю, что социал-демократы неверно оценивали течение так называемого экономизма конца 1890—начала 1900 гг. – газета «Рабочая мысль». Их раздражало неприятие рабочими антимонархической пропаганды и сосредоточенность исключительно на борьбе с предпринимателями за свои экономические права. Для рабочих же эта борьба означала гораздо больше, чем борьба за копейку, они пытались воплотить в жизнь свои представления о справедливой организации фабричного труда, которая существенно отличалась от общепринятых представлений и имела далеко идущие последствия.

В этот период наблюдается также дистанцирование партийных рабочих от интеллигенции, рост их самостоятельности и повышение авторитета в рабочих коллективах. На мой взгляд, это была эпоха не только соединения социализма с рабочим движением, но и эпоха признания рабочими коллективами партийных рабочих вожakov, их востребованность рабочими коллективами. А это породило новую коммуникационную среду, позволившую объединить усилия отдельных коллективов, что и привело к появлению новых форм рабочего движения – коллективным стачкам. Партийные рабочие-вожаки, имевшие как правило высокую квалификацию, не боялись потери рабочего места, чаще других меняли место работы, имели знакомых на многих заводах, и поддерживали конспиративные партийные связи. Наиболее ярко этот эффект соединения рабочих вожakov и основной массы коллективов проявился в годы Первой русской революции.

Противостояние рабочих с предпринимателями, питавшееся традиционалистскими представлениями рабочих, имело для последних политический характер. В своей борьбе они рассчитывали на поддержку самодержавия, и такие явления, как зубатовщина и гапоновщина поддерживали эти иллюзии. Но репрессии, казацкие нагайки и солдатские пули порождали у рабочих вполне обоснованные сомнения. Эти сомнения разрешились 9 января 1905 г. «Царь стакнулся с предпринимателями», - вот простое и ясное видение ситуации в устах простого уральского рабочего. Это был колоссальный удар по монархическому сознанию рабочих, который освободил колоссальную энергию, таившуюся в коллективах.

К большому сожалению, радикальная интеллигенция мало интересовалась теми процессами, которые происходили в годы Первой русской революции в рабочих коллективах, а именно они генерировали протестную энергию, выдвигали вожakov в Советы рабочих депутатов, пытались отстоять свои представления о справедливом устройстве фабрично-заводской жизни. Характерно, что рабочие, знакомые как с характерными для западно-европейского индустриального общества формами организации рабочих – кооперативные организации, общества взаимопомощи, профсоюзы – отдавали предпочтение фабрично-заводским формам организации, опиравшимся на рабочий коллектив и коллективное представительство, то, что в 1917 г. получило название фабзавкома.

К удивлению либеральной и революционной интеллигенции рабочие не остановились, когда либеральные круги торжествовали по поводу победы революции – 17 октября 1905 г. Не обратили они внимание и на то, что рабочие впервые сформулировали свои представления о том, как должны строиться взаимоотношения рабочих и предпринимателей. Впервые эту формулировку представили печатники Петербурга в марте 1906 г. в автономных правилах типографии «Энергия». Многие положения этих правил вызвали недоумение не только у современников, у советских исследователей, но и у современных авторов. Действительно, как это возможно, требовать, чтобы предприниматель согласовывал с рабочим коллективом прием и увольнение рабочих, правила внутреннего распорядка. Как такое может быть, чтобы на капиталистическом предприятии рабочие сами брались за поддержание трудовой дисциплины и сами накладывали меры дисциплинарного воздействия, учреждая товарищеские суды. Обычной логикой это не объяснить. А.М. Панкратова считала это проявлением оппортунизма в рабочей среде.

На многих предприятиях рабочие установили подобные порядки и отчаянно отстаивали их в течение 1906-1907 гг. Рабочие называли их рабочей конституцией, но точнее отражает существо дела название печатников – автономия. По существу это попытка рабочих отстраниться от администрации и хозяев в некое подобие артели и общаться с ними не индивидуально, а через свое выборное представительство. На индустриальных предприятиях воплотить в жизнь подобную форму взаимоотношений было довольно затруднительно, но рабочих это не останавливало.

К сожалению, по периоду Первой русской революции сохранилось очень мало документов фабзавкомов, зато по 1917 г. и позднее их огромное множество. Они рисуют поразительное разнообразие форм фабзавкомов, что является красноречивым доказательством того, что они явились самостоятельным порождением творчества рабочих: от контроля за наймом и увольнением до полного самоуправления производством. Даже поверхностное изучение протоколов заседаний свидетельствует о необычайном энтузиазме, с которым рабочие брались за дело. Фабзавкомы заседали чуть ли не каждый день. Общие собрания проводились, как правило, раз в неделю и чаще. Бралась за рассмотрение любого вопроса, который касался предприятия и жизни рабочего. Живо интересовались производством и не останавливались перед разработкой предложений по технической реконструкции не принадлежащего им частного предприятия. То, что фабзавкомам приходилось брать на себя вместе с правами и ответственность за производство, а также за непопулярные решения – сокращения, наказания, вызывало у части рабочих известные сомнения. Но большинство рабочих это не смущало.

Ленинская формула рабочего контроля по-марксистски правильно, но туманно покрывала все, чем были заняты фабзавкомы. Идея рабочего контроля была сформулирована В.И. Лениным в самом общем виде в рамках теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в конце марта – начале апреля 1917 года². Первоначально речь шла о переходе к контролю «за общественным производством и распределением продуктов» со стороны Советов рабочих депутатов, как органов революционной власти³. Только 14 мая 1917 года Ленин впервые упоминает о том, что право контроля должен получить «совет рабочих каждой фабрики»⁴. И наконец в речи на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов 31 мая 1917 года он уже всецело связывает идею рабочего контроля с деятельностью фабрично-заводских комитетов («чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями»)⁵.

Рабочие же начали продвигать идею рабочей конституции с первых дней революции. На заседаниях рабочей секции Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 5 и 7 марта 1917 года они потребовали: «Постанов[ить], что рабочие сами [выполняют] администр[ативные функции]», «Общие собрания... [требуют] автономного [рабочего управления]», «Административную часть [сосредоточить] в руках выборных от рабочих», «Удаление [неудобной] администрации, [управление] на выборных началах», «Ввести автономные начала самоуправления рабочих»⁶. Под давлением рабочих Петроградский совет подписал 10 марта 1917 года соглашение с Обществом фабрикантов и заводчиков о введении 8-часового рабочего дня, организации фабрично-заводских комитетов и примирительных камер.

Так развитие реальной политической ситуации весной 1917 года, когда Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, обладая реальной властью, фактически отказался от нее в пользу Временного правительства, заставило большевиков увязать идею рабочего контроля с низовыми рабочими организациями на уровне предприятий – фабрично-заводскими комитетами, которые и были объявлены органами рабочего контроля.

² Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 5. (26 марта 1917 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56; Он же. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Там же. С. 110.

³ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 5. (26 марта 1917 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56; Он же. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Там же. С. 110.

⁴ Он же. Война и революция. Лекция 14 (27) мая 1917 г. // Там же. Т. 32. С. 95.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: Документы и материалы. Т. 1: 27 февраля – 31 марта 1917 г. Л., 1991. С. 136, 188, 190.

Как бы ни скромны были шаги рабочих комитетов, они неизбежно вторгались в прерогативы администрации и владельцев. После июльских событий правительство и предприниматели предприняли попытку ограничить своеволие рабочих, чем вызвали отчаянное сопротивление коллективов, поддержанное большевиками. Фабзавкомовское движение стало одним из мощных двигателей революции. Рабочие внимательно наблюдали за тем, какая политическая сила позволит им осуществить на практике свои утопические мечты, и увидели ее в лице партии большевиков.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики не имели конкретных планов управления промышленностью. В деле создания основ государства «диктатуры пролетариата», они не имели другой возможности, как опереться на существующие рабочие организации и, в них же они черпали кадры для новых советских партийных, профсоюзных и государственных учреждений. Фабзавкомы и их объединения оказались единственными организациями, которые обладали практическим опытом регулирования производства. Именно они выступили с инициативой создания центральных советских органов управления экономикой. 26 или 27 октября 1917 г., то есть буквально на следующий день после провозглашения Советской власти, в Смольном на заседании Центрального совета фабзавкомов (ЦС ФЗК) в присутствии Ленина и петроградских рабочих руководители ЦС ФЗК предлагали объединить функции рабочего контроля с функциями регулирования народного хозяйства путем создания временного Всероссийского совета народного хозяйства. Тогда Ленин это предложение не поддержал. Вначале, 14 ноября 1917 г., ВЦИК принял «Положение о рабочем контроле», а 2 декабря к этой идее пришлось вернуться - был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). В состав ВСНХ вошел Всероссийский совет рабочего контроля, и таким образом мысль об объединении рабочего контроля и управления все-таки была претворена в жизнь.

Поскольку руководители ЦС ФЗК вошли в состав ВСНХ, органа государственного управления экономикой, они утратили интерес к общественной организации, какой был ЦС ФЗК. VI Конференция фабзавкомов Петрограда приняла решение о слиянии фабзавкомов предприятий с профсоюзами, которые еще с дооктябрьских времен на этом настаивали⁷. Взяв в свое ведение коллективы всех предприятий страны, профсоюзы сразу же усилили свое влияние. Но вместе с хорошо организованными низовыми организациями во главе с фабзавкомами они получили в наследство и весь спектр проблем, которые неизбежно порождало рабочее творчество.

В соответствии с «Положением о рабочем контроле» на предприятиях функции рабочего контроля должны были осуществлять «все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения», т.е. фабзавкомы. Их решения являлись обязательными для владельцев⁸. Это позволило рабочим очень быстро взять в свои руки все предприятия страны, включая мелкие. Декрет о национализации в июне 1918 г. лишь законодательно оформил свершившийся факт. Предприятия реально оказались в руках рабочих коллективов, их управление, как правило, осуществлялось выборными рабочими коллегиями. То, о чем мечтали рабочие до революции, свершилось. «Рабочая семья» избавилась от паразита-эксплуататора, и получила возможность вести все дела своего предприятия самостоятельно. По сути, страна покрылась густой сетью производственных рабочих коммун, которые и просуществовали до начала НЭПа. Но те же проблемы – прежде всего дисциплина, воровство, враждебность к администрации и т.п. – появились и при социализме. Утопичные по сути представления рабочих о способах организации производства и управления, не выдержавшие испытания практикой в 1918-1921 гг., служили той питательной средой, которая подпитывала многочисленные партийные дискуссии 1920-х гг. о профсоюзах и рабочей демократии.

⁷ Блинов А.С. Указ. соч. С. 165-168, 192, 206, 218.

⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. С. 25-27.

Как советские, так и современные исследователи незаслуженно приписывают различные сугубо рабочие инициативы первых послереволюционных лет большевикам. На деле же они были порождены оригинальными и, конечно, же утопичными представлениями рабочих о своем месте и роли в производстве, которые проистекали из традиционных доиндустриальных форм организации труда.

Провозглашая рабочих социальной опорой существующего политического строя и зная о приверженности широких масс к сложившимся формам управления, порождавшим двоевластие на предприятиях, большевики, которые были западниками, не традиционалистами, и вполне разделяли современные представления о способах организации промышленного производства не имели возможности одними административными или репрессивными мерами разрешить эту противоречивую ситуацию. Суть партийной политики свелась к выработке таких форм, которые постепенно заменяли реальное участие рабочих в управлении символическим, ритуальным, позволявшим рабочему сохранять в себе чувство сопричастности к делам производства. Механизмы реализации этой достаточно умелой и последовательной политики необходимо изучать, причем главным предметом исследования также должен стать рабочий коллектив, овладение которым осуществлялось через первичные партийные и профсоюзные организации, а начиная с рубежа 1920-1930-х гг. стали применяться и репрессивные методы.

Вывод. Революционные настроения рабочих невозможно объяснить одними лишь материальными причинами или влиянием революционной пропаганды, а их высокую организованность и протестную активность только руководящей ролью партии большевиков. Существенную роль играло неприятие рабочими нового индустриального способа организации труда и отношений на производстве. Эта особенность рабочей психологии позволяет внести серьезные уточнения в общую картину протестного движения не только до революции 1917 г., но и послереволюционного периода.